

КРОКОДИЛ

№ 25 (1675)

ГОД ИЗДАНИЯ 41-й

10 СЕНТЯБРЯ 1962

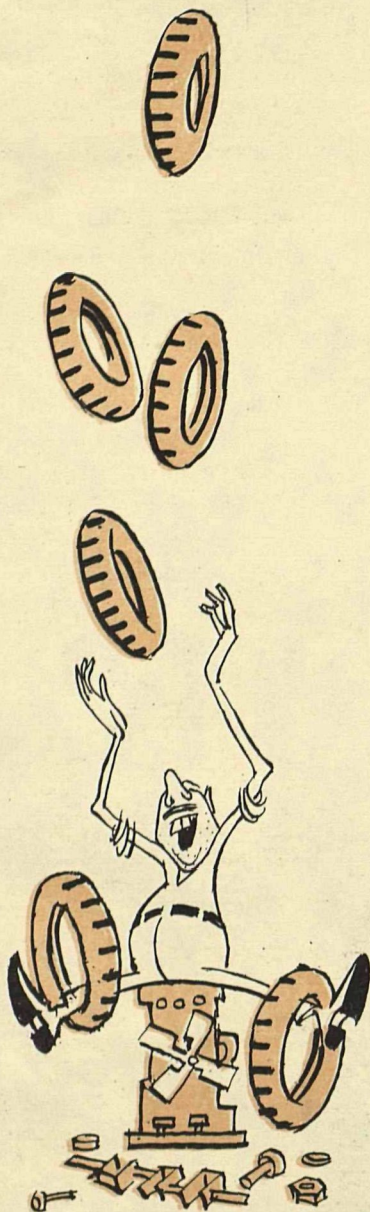

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА
и М. СКОБЕЛЕВА

— Есть еще желающие выступить с критикой моей работы?

ЧАСТНИКИ

С МОТОРАМИ

ЭМИССАР «ПУРПУРНОЙ ЗАРИ»

По бесконечным коридорам республиканской конторы «Сельхозтехника» хорошей рысцой бежал человек. С его чела, покрытого субтропическим загаром, срывались тяжелые капли пота. Человек задыхался. Его обуревали заботы. Он приехал в Орджоникидзе, чтобы вырвать из нержавеющей зубов «Сельхозтехники» несколько запасных частей для трактора.

Уже третьи сутки полировал гонец скрипучие половицы конторы. За это время эмиссар колхоза пробежал дистанцию, равную замысловатой Военно-Грузинской дороге. Сам того не подозревая, эмиссар установил рекорд, который даже не снился всемирным федерациям бегунов. Но и к началу пятых суток он не собрал нужных подписей на своем прошении: один начальник был в командировке, другой — нежил свои телеса в волнах Черноморья, а третий — закусывал в соседней столовке.

На шестые сутки бег колхозного

посланца был остановлен человеком в барашковой шапке.

— Куда, о, куда бежишь ты так быстро, несчастный? — с интересом спросил незнакомец.

— О, вах! Горе мне! — нутжно дыша, отвечал полномочный представитель «Пурпурной зари». — Гонюся я за начальством конторы, добрый человек.

И бедняга в двух словах объяснил незнакомцу суть дела, приведшего его в лоно республиканской конторы гаек и моторов.

Добрый человек усмехнулся сожалюще:

— Зачем, о, зачем ты пришел именно сюда?

— Но куда же, куда идти мне?

— Разве ты не знаешь? — уже грубо, прозаически сказал человек в барашковой шапке. — Валяй на биржу...

— Какую еще биржу?

И незнакомец втолковал исстрадавшемуся просителю, что он должен стать лицом к солнцу, а спиной к Столовой горе, потом проехать на трамвае № 3 до городского базара, где любой мальчишка, несомненно, покажет ему биржу. На этом торжище, пояснил незнакомец, и можно достать все, что пожелает широкая душа любого председателя колхоза. Там не нужно бегать за подписями и заполнять бланки. Там работают чуткие люди, которые стремительно приходят на помощь полномочным представителям, испуганно ищущим запчастей.

Посланец «Пурпурной зари» чувствительно пожал смуглую руку незнакомца и выбежал вон из опустевшего конторского здания.

ЧЕРНАЯ БИРЖА

Добрый незнакомец говорил правду. Не успел колхозный гонец ступить и трех шагов вдоль рыночного забора, как к нему подошел бойкий мужчина с кадыком, заросшим сизой щетиной. Кадыкастый пробежал по представителю опытным, оценивающим взглядом:

— Запчасть ищешь? Резину ищешь?

Тот часто закивал и промямлил что-то жалостливое.

— Вай! — сказал человек со щетинистым кадыком. — И только-то?

Через минуту колхозный снабженец стал обладателем желанных остродефицитных механизмов. Хозяйственник купил у кадыкастого также разводной ключ, шесть автопокрышек и дисковую борону.

— Накладную не надо? — сдерживая ликование, хрипло спросил колхозный гонец.

— Мы не бюрократы! — гордо ответил базарный бизнесмен. — Мы сознательные. Наша фирма работает на чистом машинном масле.

— А если, скажем, мотор? — опасно спросил снабженец. — Можете достать?

— Пожалуйста!

— Ну, а грузовик? — ужасаясь, прошептал колхозный эмиссар. — Или башенный кран?

— Э-э, какой разговор! Все можем, только заплати...

Бизнесмен поворачивал сверкающими белками и исчез в стоголосой толпе. Погрузив товар в колхозный грузовик, пилигрим из «Пурпурной зари» немножко погулял по бирже и убедился, что его новый знакомый не врал. На бирже вовсю шла темпера-

ментная торговля по формуле «деньги — товар». Индивидуальная инициатива бурлила и переливалась через край.

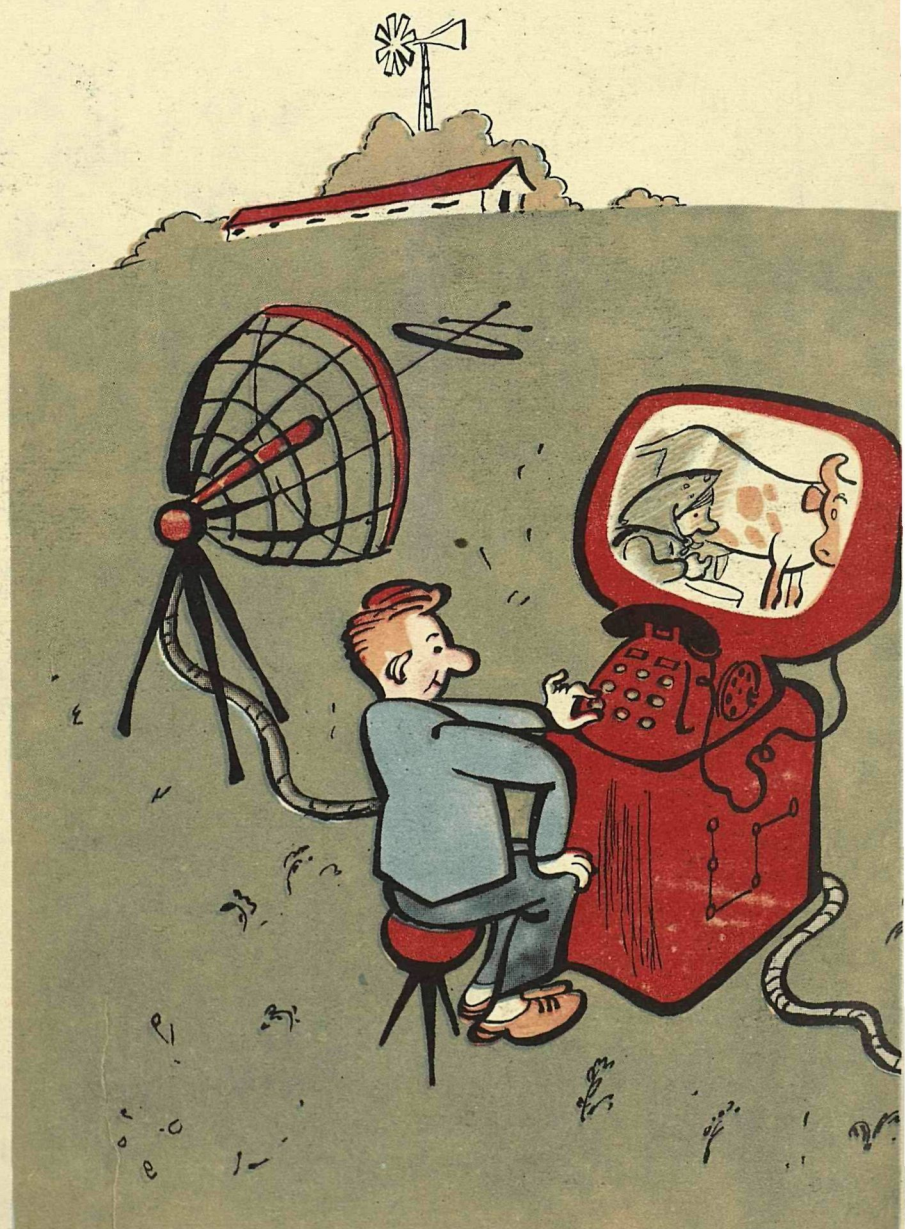
На бирже действительно можно купить все. Она пользуется у руководителей колхозов и совхозов такой же популярностью, как в студенческой столовой — хороший гуляш.

Колхоз «Кавказ», к примеру, приобрел у предприимчивых деловых людей на тридцать пять тысяч рублей всевозможных запасных деталей. Было куплено большое количество авторезины, манжеты для бульдозеров, электромотор и другие столь необходимые в хозяйстве штучки, которые, увы, не всегда наличествуют в магазинах «Сельхозтехники».

А колхоз «Хумалак» опять-таки за наличные купил на бирже тормозные цилиндры.

Экспедитор И. Тимофеев из колхоза «Дружба», Кизлярского района, Дагестанской АССР, прямо заявляет, что в тот самый момент, когда ему понадобилась резина, он не стал себя утруждать обиванием порогов торговых точек «Сельхозтехники». Решительным, твердым шагом он направился к черной бирже, где в течение пятнадцати минут купил десять

В МИРЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аппарат для наблюдения за дояркой Дарьей.

автопокрышек для верного колхозного «газика».

О необыкновенной посещаемости биржи свидетельствует тот факт, что каждый из опрошенных нами хозяйственников крупных колхозов Северо-Осетинской, равно как и соседних республик, что-нибудь когда-нибудь да купил на черной бирже. Ознакомившись с кипучей деятельностью кадыкастых, бородатых, усатых, а также гладко выбритых «джентльменов удачи», мы захотели узнать, как попадают в их руки дефицитные запчасти.

Винтик, он хоть и маленький, но фондируемый. Он строго регламентированная государственная продукция, торговать которой должен не джентльмен в засаленной кепке-восьмиклинке, а государственные магазины.

КОНЦЕРН «ШАЛВА МЕДЕЛАУРИ И К^о»

Мы чувствуем, что в этом месте нашего рассказа с дрожжащих от негодования уст читателя готов сорваться традиционный вопрос: «Милиция! Куда смотрит милиция?»

И ТЕХНИКИ

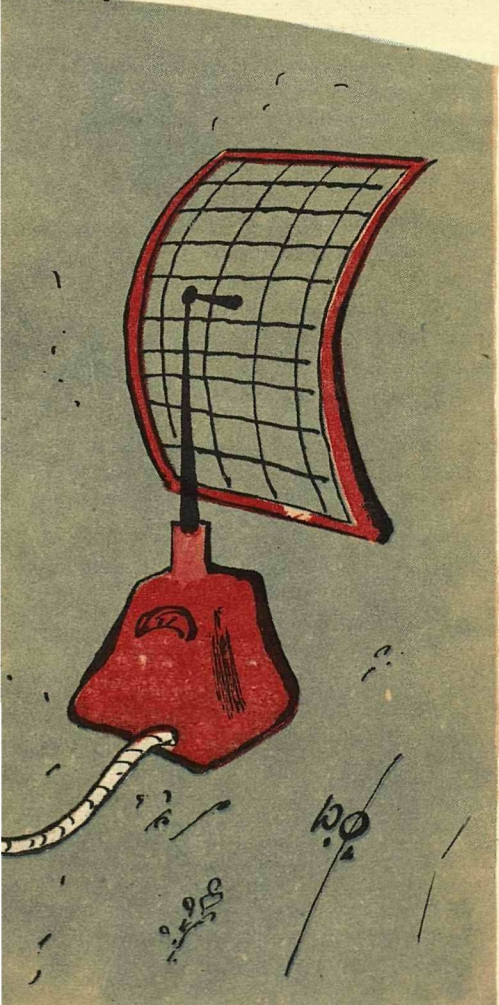

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Так вот, дорогой читатель, мы должны сообщить, что милиция смотрит в нужном направлении. Ей удалось сорвать целый букет лихих негоциантов, в котором самыми махровыми цветами оказались Шалва Меделаури и Арчил Бурдули. Как у всяких выдающихся личностей, у них были свои маленькие, но трогательные привязанности. Шалва любил автопокрышки, а Арчил — тот их буквально обожал. Пылкие чувства к резине можно вполне понять, если учесть, что каучуковая продукция и запасные части обеспечивали коммерсантам счастливый жизненный стандарт.

Несмотря на родство занятий (оба работали сторожами и получали по тридцать рублей в месяц), Шалва и Арчил были людьми прямо противоположных вкусов. Арчил души не чаял в недвижимом имуществе. По утрам, облачившись в пижаму небесного цвета, долженствовал символизировать его душевную чистоту (полосатых одежд он терпеть не мог, так как они вызывали у него неприятные ассоциации), Арчил выходил во двор своего новенького особняка, благоухающего краденой олифой. К вечеру, нахлобучив кепку-восьмиклинку, Арчил не спеша ехал на биржу.

Зато Шалва всю свою любовь отдавал тому, что движется на колесах без помощи конногужевой тяги. Шалва любил автомашины. Операции на черной бирже принесли Шалве Меделаури два новеньких чудных автомобильчика.

Когда органы милиции нанесли визит вежливости двум биржевикам, даже выдавшие виды работники ОБХСС были поражены. Они обнаружили на квартирах Меделаури и Бурдули небольшой филиал базы «Сельхозтехники». Коммерсанты таили в своих закромах запчасти десятков наименований к шести типам машин. Разумеется, оба негоцианта тут же поклялись, что обнаруженные механизмы были переданы им по наследству прародителями, большими знатоками автомобильной техники. Правда, работники милиции оказались черствыми скептиками и усомнились в достоверности версий о фантастических праотцах Арчила и Шалвы.

Но городской судья Перов и государственный обвинитель Токаева оказались в отличие от бессердечных милиционеров мягкими, доверчивыми людьми. Они охотно допустили, что Шалва получил карбюратор от прабабушки, а Арчилу мотор к «Победе» достался в наследство от покоящегося на городском кладбище прадедушки.

Обвинитель Токаева произнесла гневную речь. Она стерла в порошок органы милиции, осмелившиеся возвести темные подозрения на столь светлых людей города Орджоникидзе. Токаева пустила также несколько язвительных стрел в адрес общественности, которая — подумать только! — позволила себе потребовать немедленного осуждения жучков-коммерсантов. В общем, Токаева дала почувствовать адвокату, что он даром ест свой хлеб с черной икрой.

Судья Перов внял горячей защитительной речи прокурора и, бормоча извинения, проводил подсудимых до двери, а также рекомендовал органам милиции возратить отобранные запчасти, с которыми у подсудимых связаны нежные фамильные воспоминания.

Подлечив в Гагре несколько расшатанную нервную систему, Меделаури и Бурдули бросились на биржу наперстывать упущенное.

ТОРПЕДНАЯ БРЕШЬ

Мы иллюстрируем фельетон примерами из конкретной действительности Северо-Осетинской АССР. Но это вовсе не значит, что махровый букет биржевых жучков, подпольных маклеров, спекулянтов и перекупщиков краденого расцветает только по соседству с легендарной Столовой горой.

Бригадир С. Мартыненко из колхоза имени Горького, Дагестанской АССР, приобрел два блока, колесчатый вал и другие запчасти у кладовщика «Сельхозтехники» в городе Грозном.

Слесарь колхоза «Победа» Т. Белоконь купил в Тбилиси мотор «М-20» (для машины «Победа») у «черноусого незнакомца».

Биржевые маклеры выработали много способов изъятия драгоценной техники с баз и предприятий. Один из наиболее предпочитаемых: составляется миниатюрная бумажка, в которой отнюдь не каллиграфическим почерком сообщается, что трактор (автопокрышки и т. д.) сдан в утиль. На самом же деле трактор (автопокрышки и т. д.) четыре года грелся на солнышке, не совершив ни одной агротехнической операции. И новехонькая, блистающая свежей сталью машина загоняется «налево». А потом жулики делают барыши, согласно заслугам каждого.

Кстати, по такому принципу из автоколонны № 2 г. Орджоникидзе были похищены автопокрышки, служившие вещественными доказательствами в процессе Меделаури и Бурдули.

Не брезгают жулики также подделкой накладных. Этот способ незамечен в тех случаях, когда на базах (в качестве примера приведем Бесланскую базу «Сельхозтехники») годами не проводятся ревизии.

В большом ходу и вульгарное, примитивное воровство.

А над изучением других, неизвестных еще методов работают сейчас следователи милиции и ОБХСС. Они заинтересовались, в частности, так называемым «кадровым вопросом». И тут же выяснилась следующая пикантная деталь. Оказалось, что на огни «Сельхозтехники» особенно охотно летят люди, на прошлом которых явственно можно различить жирные криминальные пятна. На Бесланской базе самоотверженно трудился на посту заведующего В. Рыковский. Трудился он главным образом над тем, чтобы удачней спихнуть на биржу дефицитные запасные части. Когда милиция удачным ударом вышибла из-под него кресло, то база не осиротела, так как на должность главбуха вскоре же был назначен не менее утонченный махинатор В. Васильев, чье брэнное существование органы правосудия омрачали неоднократно долгорочными отсидками.

Когда торпеда пробивает борт корабля, на палубе раздается тревожный свист боцманской дудки. К брешу, грохоча по бронированным плитам, бросается вся команда.

Так вот, у авторов есть пожелание. Они хотели бы, чтобы этот фельетон был своего рода боцманским свистком. Авторы очень хотят, чтобы он не прозвучал впустую, чтобы к брешу бросились все, кому полагается по долгу службы сторожить народное добро.

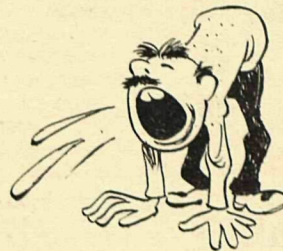
Вл. МИТИН,
В. ТИТОВ,

специальные корреспонденты Кроиодила

г. Орджоникидзе.

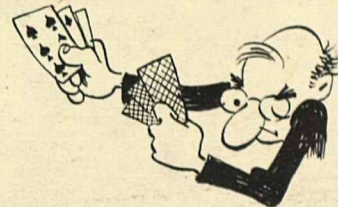
Владимир ИВАНОВ

Собака Собакевича

Злая собака.
Однако
Ей далеко
До хозяина:
Дачевладельцем
Собака
«За нерадивость»
Облаяна!

Ни дать
ни взять

Мздоимец хмур, что день
осенний,
Нависла грозная беда...
Не может он без
подношений,
Да опасается суда.
И он с отвислою губою,
Грустя весь вечер
напролет,
Играет в карты сам
с собою
И взятки сам себе дает.

На рога

На коров на ферме
Злится дядя Саня:
На него все время
Сыплются взысканья.
— Не с меня — со стада
Взыскивать бы надо!
Если я дам слово,
Толку никакого! —
Он мычит с похмелья:
— У коров — безделье!
И пускай даст слово
Каждая корова:
Повышать старанья,
Выполнять заданья
По объему точно
И жирномолочно!..
Не сдержала слово —
Наказать сурово:
Выговоров десять
На рога навесить!

г. Ленинград.

ЧОМБОУБЕЖИЩЕ

Рисунок Ю. ГАНЧА

Смертельный удар

(Маленькая рецензия)

Любовь к искусству, а также стремление восстановить истину заставляют нас написать рецензию на только что вышедшую в Нью-Йорке книгу Д. Морриса «Биология искусства».

Член Лондонского зоологического общества доктор Моррис известен в научных кругах своими оригинальными исследованиями. Несколько лет тому назад он отобрал три десятка человекообразных обезьян, предоставил в их распоряжение краски, холсты, кисти (разумеется, и бананы) и стал обладателем уникальной коллекции абстрактных картин.

Отсюда доктор Моррис сделал немаловажный для науки вывод. Оказывается, обезьяны в отличие от художников-абстракционистов довольствуются самим процессом творчества, не требуя за свою работу денег. Это восхитило Д. Морриса.

Зато в других аспектах творчества, отмечает доктор Моррис, есть много общего между художниками в клетках и абстракционистами, свободно разгуливающими по улицам.

«Как те, так и другие,— пишет он,— могут быть охарактеризованы одними и теми же признаками: они в высшей степени необщительны, абсолютно несамокритичны и эгоистичны. И те и другие любят использовать случайные эффек-

ты, считают сам акт творчества началом и концом всего и таким образом отрицают какую-либо его связь с внешним миром».

Надо отдать должное не только научной эрудиции Д. Морриса, но и его, если хотите, деликатности и скромности. Свои успехи в исследовании общих идейных истоков в творчестве обезьян и абстракционистов автор склонен приписывать не только себе. В своей книге он пишет, что «средний англичанин любит животных и ненавидит абстрактное искусство». Поэтому картины обезьян пользуются вниманием не потому, что они абстрактны, а потому, что созданы животными. В равной степени публика будет восхищаться дрессированными собачками или разговаривающим попугаем.

Рецензируя «Биологию искусства», американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Этой книгой нанесен безжалостный и, возможно, смертельный удар по абстрактному искусству».

Что ж, ранее у обезьян были большие заслуги перед наукой. Теперь они внесли свой вклад в искусство, определив, что такое абстрактная живопись.

В. НИКОЛАЕВ

На шутливой волне

ИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ЮМОРА

КОМПЕНСАЦИЯ

— Меня укусил ваш пес. Я требую компенсации.
— Ради бога, я его сейчас подержу, а вы кусайте.

НЕ СЛЫШНО

Гид обращается к группе туристов:
— Если дамы на минутку замолчат, можно будет услышать страшный рев Ниагарского водопада.

УТОЧНЕНИЕ

— Ты знаешь, Жан, я купил мотоцикл. Хочу поехать по свету.
— По какому: по тому или по этому?

ОБЩНОСТЬ ХАРАКТЕРОВ

Жена художника-абстракциониста своей подруге:
— Мы с мужем прекрасно подходим друг другу. Он рисует, а я готовлю обед. А потом мы отгадываем, что каждый из нас хотел сделать.

БЛАГОРАЗУМИЕ

— Эй, полисмен, пять минут тому назад грабитель снял у меня с руки часы!
— Почему же вы не позвали на помощь?
— Я боялся раскрыть рот: у меня четыре золотых зуба.

ИСКРЕННОСТЬ

— Гарсон, вы уверены, что эта рыба свежая?
— Не знаю, мсье. Я работаю здесь всего неделю.

У ВРАЧА

Врач: — Вино сведет вас в гроб.
Пациент: — Я пью его постоянно и дожил, как видите, до семидесяти лет.
Врач: — А если бы вы не пили, вам сейчас было бы девяносто.

САТИРА КУБИНСКИХ ДРУЗЕЙ

Куба смеется. У народа, сбросившего империалистическое иго, отличное настроение. Газеты и журналы Кубы полны едких фельетонов и остроумных карикатур. Выходит сатирический журнал «Паланте и паланте», название которого можно перевести как «Шевелись, не задерживайся».

Как говорится, чтобы не быть голословными, мы помещаем сегодня фельетон из кубинской газеты «Мундо» и две карикатуры из «Паланте и паланте».

Я ЖИВУ В ВЕЛИКОЙ СТРАНЕ СЕВЕРНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Из дневника бывшего кубинца д-ра Кастельса, перебравшегося в США на веселой шлюпке

Одиссея моя уже осталась позади. Думаю, не стоит описывать всего того, о чем до меня рассказали многие...

По прибытии во Флориду я был доставлен в одно учреждение, где весьма любезные представители американской разведки допрашивали меня три дня. Они очень заботились обо мне. Не давали воды, вероятно, чтобы я не простудил горла, не давали также есть... Я высоко ценю эту заботу: резкая перемена пищи могла стать для меня фатальной.

Меня настойчиво спрашивали, не являюсь ли я агентом Фиделя Кастро, не был ли коммунистом. Их чрезвычайно интересовало все, что касается моей персоны. Через три дня меня отпустили, но не покинули на произвол судьбы, а отвезли в Майами. Там меня встретили сенюры, по всей вероятности, спортсмены, потому что они стали отрабатывать на мне приемы бокса.

К сожалению, я недолго смог быть им полезен. После третьего раунда я потерял сознание. Потом они очень извинялись передо мной, заявив, что кто-то им сказал, будто знает

меня и что я коммунист. Меня очень взволновало это проявление демократии: с какой свободой этот человек выразил свое мнение!

В течение месяца, проведенного мной в госпитале, где я отдыхал от последствий бокса, я еще лучше познакомился с великой демократической страной. Говорят, здесь существует дискриминация — это лживая пропаганда. В палате, где я лежал, находились также мексиканец и североамериканский негр. И нас не подвергали никакой дискриминации. Только не давали мыться и не меняли простыней.

Когда я вышел из госпиталя, то был сильно взволнован. В этой демократической стране просто трогательно заботятся о личных благих людей: для того, чтобы не пропал мой бумажник, ручные часы и кольцо, кто-то сохранил их у себя. Я, конечно, их больше не увидел. Но это незначительная деталь.

Затем я направился в ресторан на Флаггер-стрит. Там была вывеска: «Собакам и латиноамериканцам вход воспрещен». Это привело меня в восхищение. Как все продумано! Знаешь, куда можно идти, а куда нельзя. На Кубе каждый идет куда ему вздумается.

Я сел в автобус. Надпись гласила: «Места для белых». Один из пассажиров, североамериканец, сразу же пояснил мне, что белыми считаются только те, у кого голубые глаза и рыжие волосы. Я же смуглый, и глаза у меня карие. Он вывел меня из заблуждения и заодно из автобуса, проявив поразительные физические способности. Это был, вероятно, известный олимпийский атлет. Хотя окошко было довольно узким, я все же вылетел из него без малейшего затруднения.

Во время моего пребывания в Майами я смог посетить нескольких кубинских эмигрантов, которые уже полностью наслаждались американским образом жизни. На меня произвела большое впечатление прочность семейных устоев в этой стране. В одной лишь комнате проживало двенадцать человек. Они были родственниками, но в Гаване жили тремя отдельными семьями, каждая в своем доме.

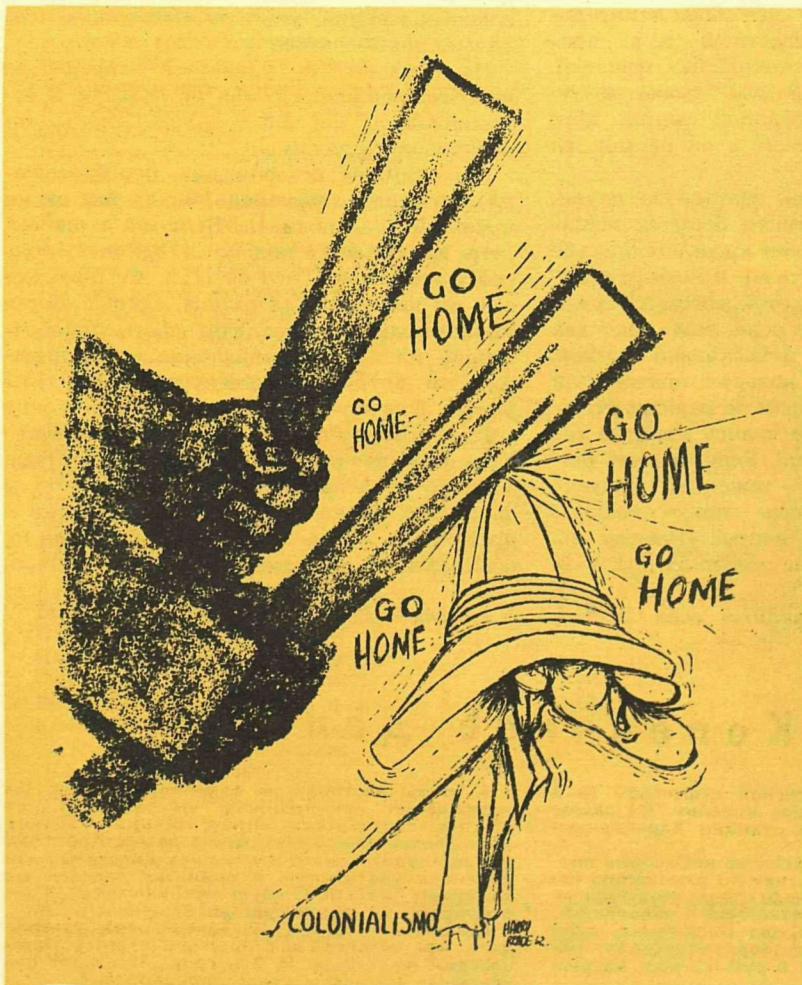
Здесь же, привыкнув к североамериканскому образу жизни, они поселились все вместе. Они уже не злоупотребляли пищей, как на Кубе. Ели они только один раз в день, а бывали дни, когда вообще не ели. За столом они проявляли здоровую англосаксонскую трезвость и воздержание. Двое мужчин отсутствовали. Центральное разведывательное управление направило их несколько дней тому назад в путешествие по Гватемале. Туристские обычаи, свойственные американскому образу жизни, проникли и в эту семью...

Вполне удовлетворенный своими наблюдениями, убежденный в том, что нахожусь наконец в свободной стране, я направился в Нью-Йорк. В Атланте я получил еще одно наглядное доказательство того, как лжет коммунистическая печать, описывая расовую дискриминацию в Соединенных Штатах. Посреди улицы полицейские Атланты играли в лапту со студентами-неграми весьма оригинальным образом... Полицейские образовали две команды игроков. Вместо мячей они перебрасывали с тротуара на тротуар студентов. Было интересно удостовериться в том, что спорт является прекрасным средством слияния рас в США.

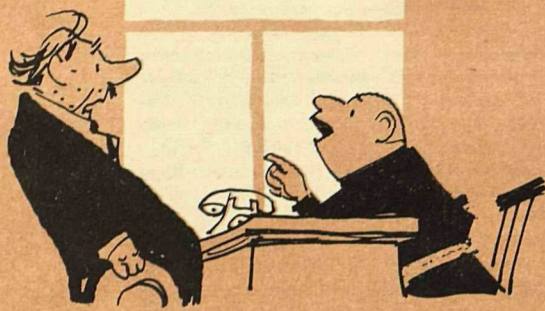
Заканчивая свой краткий рассказ о стране великой демократии, скажу, что лично мог удостовериться: в Штатах каждый может пробить себе дорогу. На Кубе я был врачом. У меня был кабинет для приема больных, клиника, больница. Зарабатывал я более восьмисот песо. Но я долго бы еще не мог достигнуть высот, о которых мечтал. А в Нью-Йорке я быстро этого достиг, начав с самого низа. Я ежедневно взлетаю на высоту 120-го этажа, работая лифтером.

ПРИМЕЧАНИЕ. Д-р Кастельс потерял свой дневник в метро. Там он был подобран одним прохожим, который и переслал дневник для публикации в кубинскую газету «Мундо».

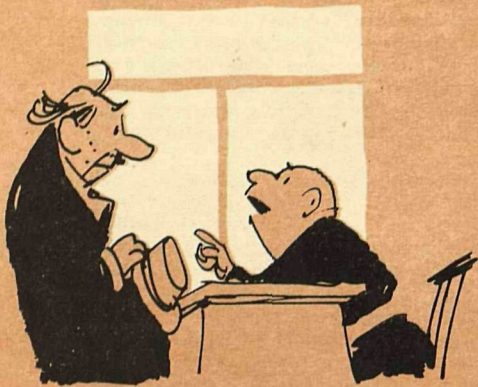
Перевод с испанского
М. КАЗАРНОВСКОГО и С. ШАМСОНОВА.

ПОСВЯЩЕНИЕ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО
ДЕЯТЕЛЯ

— Свинину любишь?
— Очень!

— Картофель ешь?
— С удовольствием!

— Молоко пьешь?
— Точно!

— Истинно сельскохозяйственный
руководитель!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

М. ЛАНСКОЙ

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ

Жил-был ослик, здоровый, резвый, вполне симпатичный ослик. Он обладал всеми качествами, отпущенными ему природой: был вынослив, неприхотлив, чаще послушен, иногда упрям. Даже когда он упрямился и оглашал окрестность капризными воплями, то делал это не из дурных побуждений. Просто в нем играла кровь, и он выражал свои чувства способом, давно испытанным его предками. Сын любящих родителей, он был хорошо упитан, шерсть его лоснилась, а глаза излучали бодрость и оптимизм.

Ослик хорошо учился в школе для ослят и незаметно вырос в грамотного, работающего ослика. Он был очень доволен открывшейся перед ним перспективой: ему нравилось ходить в упряжке, ухаживать за ослицами, хлопотать ушами и отгонять мух послушным хвостом.

Все шло, как должно было идти, и вряд ли нам пришлось бы останавливаться на биографии обыкновенного ослика, если бы не события, резко изменившие его судьбу.

Любящие родители никак не могли согласиться, что их осел — обыкновенный осел. Любящими глазами они находили в нем достоинства, дотоле невиданные и неслыханные в ослиной породе. Все, что самому ослу казалось естественным и привлекательным, его родителям представлялось ужасным и недопустимым. «Ходить в упряжке! — восклицали они. — Всю жизнь подчиняться вознице! Нет, не для того растили мы это четырехное чудо природы!»

Родители не ограничивались восклицаниями. Они действовали энергично, настойчиво и упрямо. У них был влиятельный родственник — бездетный мул, враждавший в кругу чистокровных лошадей. Они знали его слабость: трогательную любовь к родне по ослиной линии. Они уговорили его вмешаться, и он не мог им отказать.

Ослу опять пришлось взяться за науки. Его зачислили на семинар беговых лошадей. Семинар был организован по просьбе многих любящих родителей и потому отличался некоторой пестротой состава. Среди его слушателей, кроме ослика, было еще два козла, четыре барана и несколько бычков. Была и одна лошадь, которую показывали наезжавшим инспекторам и ревизорам.

Занятия на семинаре велись методом собеседований и дискуссий. Успеваемость была высокой. Питание — тоже. На выпускных экзаменах срезалась только лошадь, не сумевшая осветить вопрос «Почему мы бегаем?». Все остальные получили похвальные отзывы.

Теоретически подкованный осел решил,

что теперь-то он сможет вернуться в родную упряжку. Ему не терпелось применить на практике полученные знания. Но не тут-то было! Успехи ослика вскружили голову его любящим родителям. Они ликовали: «У мальчишка проснулся вкус к знаниям! Пусть продолжает учебу. Пусть прославит наш род!»

Добрый мул пошуровал среди влиятельных знакомых, и вскоре ослика направили в двухгодичную школу для коров с повышенным урожаем. В школе было мало коров, но много молока, которое привозили для учебных целей. Осел встретил здесь друзей из бегового семинара, и ему не было скучно. Занятия велись серьезно: строение вымени изучалось по чертежам, а молоко пробовали на вкус.

Ослика, получившего аттестат с отличием, совсем уже нетрудно было устроить на курсы повышения квалификации слонов.

Спустя несколько лет осел в графе «Образование» перечислял около десятка разнообразных, успешно законченных им учебных заведений. Последним значился некий институт жвачных проблем, выпускавший специалистов шкурного профиля.

Осел приобрел солидную осанку, повышенный аппетит к сочным кормам и прочное отвращение к упряжке. Он уже перестал узнавать отца-осла, мать-ослицу и дядю-мула. Из всех его ослиных качеств осталось только упрямство и привычка выражать свои чувства громогласным воплем.

Дипломы и прочие свидетельства об образовании обязывали ослика занимать разные посты. Он вдалбливал лошадям теорию аллюра, раскрывал коровам тайну молокообразования, учил слонов, как правильно пользоваться хоботом.

Но нигде ему не удавалось закрепиться надолго: лошади, слушая его, ржали и отбрыкивались, коровы бодались, слоны поворачивались задом.

Его снимали, освобождали, перебрасывали, откомандировывали... Между тем он ни в чем не был повинен. Беда его и по сей день заключается только в одном: всюду сразу же узнают, что он осел. Не помогает ему ни широкополая шляпа, закрывающая уши, ни слоновья медлительность, приобретенная на курсах повышения квалификации, ни эрудиция, сложившаяся за годы учебы. Сначала ему намекают, а в конце концов говорят прямо: «Вы осел!» И возразить ему нечего, потому что это правда.

Давно утратил наш осел и бодрость и оптимизм. Он кочует от одной кормушки к другой. И жизнь у него получилась не ослиная и не лошадиная, а скорее собачья.

г. Ленинград.

Копеечное дело

В бухгалтерии Харьковской нефтебазы № 3 баланс не сходился на две копейки. Их задолжал нефтебазе ресторан станции Харьков-пассажирская.

С серьезным видом бухгалтер нефтебазы произвел «Обоснованный расчет по взысканию неустойки за невыборку нефтепродуктов». Далее он заполнил «Претензионное заявление», в котором, ссылаясь на два Положения, одно Постановление и один Договор, потребовал, чтобы ресторан перечислил 0 руб. 02 коп. на расчетный счет нефтебазы.

А чтобы ресторан не вздумал увильнуть от возмещения причиненного им колоссального убытка, составители «Претензионного заявления» грозно обещали передать дело в Арбитраж для принудительного взыскания. Директор базы подписал ультиматум и приказал послать его заказным письмом. Бухгалтерия бесстрашно отпустила на эту операцию 6 копеек.

Попробуйте теперь, не боясь греха, утверждать, что директор и старший бухгалтер Харьковской нефтебазы № 3 в грош не ставят финансовые интересы своего предприятия!

Иван Гора на отдыхе

В санатории нередко направляются в порядке премирования за отличную работу на производстве вполне здоровые люди.

(Факт.)

Приехал в Крым Иван Гора.
Шахтер. Забойщик. Кость рабочая.
Силен. Высок. Глаза орла.
А кулачищи — два ядра.
И прочая, и прочая...
Приехал — ажнул:

— Вот так Крым!

Какое солнце! Воздух! Море!
Поплаваем! Подзагорим!
Побродим на просторе!
Иван доволен: «Хорошо!»
Но врач к Ивану подошел,
Пощупал пульс, помял живот,
Спросил, как спит и чем жует,
Болеет какою хворью.
Рахитом? Свинкой? Корью?
Измерил рост, проверил вес,
Спросил, что пьет, спросил, что ест:
Котлетки? Кашку манную?
И не желает ли Иван
Горчичных или хвойных ванн,
Или с крахмалом ванну?
Ивану бы простор степей,
А не палата-келья,
А он зажат в кольцо врачей,
Закован в лед безделья.
Ему б ногами горы мять,
Играть с грозой в июле,
А он в палате номер пять
Глодает лишь пилюли.
В палатах с самого утра.
До ночи — сонь и тишь...
Иван Гора уж не гора,
А словно в клеткемышь.
И он решил: скорей к врачу!
— Товарищ врач, спаси!
Мне ваш режим не по плечу,
Хоть ноги уноси!
Здесь век бы жить и не тужить,
Опухнув от спанья,
Но нет! С природой подружить
Хочу в походах я!
Здесь кормят, поят, смотрят нас —
Не счесть спокойных дней,
Но мне дымок туристских баз
По духу все ж родней!..
И видит врач: Иван грустит
Не перестанет, нет.
И пишет смело: «Отпустить —
Вот добрый мой совет».
Иван дружка себе нашел —
Степана-кузнеца,
Сказали «Будет хорошо!»
Два бравых молодца.
И только выпала роса,
Дружки, как говорят,
Ушли, куда глядят глаза,
Куда сердца велят.
Весна развесила красу —
Отличная пора!
Идут дружки, а ночь в лесу
Проводят у костра.
Встречая солнце, каждый раз
Кричит Иван Гора:
— Его СИЯТЕЛЬСТВУ от нас
Шахтерское ур-ра!!!
Идут друзья, идут, поют,
И песня их проста.
Им по душе любой маршрут,
Любая высота!
— ВПЕРЕД! — девиз друзей таков...
А сказано к тому,
Что нет счастливее дружков
На отдыхе

в Крыму!

КОШЕЛЕК НЕ ПОСТРАДАЛ

Нынешнее лето прошло у заместителя директора Корянского молочно-овощного совхоза тов. Федотова в больших хлопотах. Совхозу понадобились сани. А их, как известно, готовят летом. Заместитель директора вплотную занялся этим делом. Прежде всего тов. Федотов навел справки, где можно сани достать. Выяснилось, что можно это сделать на Камчатке, ну, в крайнем случае, в каком-нибудь сибирском лесхозе, а можно и в Карсунском лесхозе, Ульяновской области. Очевидно, тов. Федотова не прельстило общение с какой-то местной мастерской, и он величественно подмахнул заказ на сто саней Карсунскому лесхозу, при этом любезно уведомил: «Все затраты, связанные с паковкой и перевозкой, совхоз берет на себя».

Правда, по грубым подсчетам, дровни, стоящие в Карсуне 6 рублей 90 копеек, придя на Камчатку, обойдутся в 27 рублей. Но тов. Фе-

дотов это не смутило. Ведь операция с санями не облегчит его личный кошелек ни на одну копейку...

ТРУСИКИ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

И не знает камчадал Федотов, что в далеком Брянске у него есть двойник. Правда, фамилия у него другая — Гершман. И должность не та — управляет он областной базой «Росторгодежда». Но почерк!.. Как будто одной рукой оба пишут. Разница лишь в том, что Федотов из Ульяновска тянет сани на Камчатку, а Гершман из Брянска гонит трусики на Сахалин. Он предписал Добровскому райпромкомбинату отгрузить сахалинцам этого добра на десять с половиной тысяч рублей. Страшно подумать, что бы делали бедные сахалинцы без брянских трусов, не будь на брянской областной базе «Росторгодежда» заботливого Гершмана!

Б. ОЛЬГИН

— Как ведет себя мой ребенок?
— Хорошо... Покушал, теперь спит.

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ТРАГЕДИЯ СМЕТАНКИНА

В крокодильские командировки отправляются, чтоб портить жизнь тунеядцам, мешать бюрократам, отнимать добычу у расхитителей, хватать за уши взяточников. Словом, выводить пятна, оставшиеся от прошедшего времени. Значит, это командировки в прошлое.

Но ведь можно ездить и в другую сторону — в будущее!

Идея такой командировки всем в редакции пришлась по душе. И, однако, дело чуть не сорвалось.

— Я не возражаю, — сказал бухгалтер. — Пусть себе едет. А вот как будем платить суточные?

— Что значит как? Есть закон: два рубля шестьдесят копеек!

— Это если человек в Ленинград едет или в Орел. А если в будущее? Там все дешевле. А вот на сколько — неизвестно.

— Как же быть?

— Придется представить справку о стоимости тамошней жизни. Только чтоб была заверена круглой печатью, — предупредил бухгалтер.

Еще недавно описывать путешествие было легко и привычно: прощальный гудок паровоза, черный дым, белый пар... А теперь и за миллион не уехать из Москвы на паровом поезде. Кругом одни электровазы.

Чтоб перенестись в будущее, я отправился не на вокзал. Я поехал домой и попро-

сил девочку, которая живет тремя этажами выше, чтоб она прекратила отстукивать свои надоедливые гаммы.

Счастье благоприятствовало мне с первых же шагов путешествия: девочкаина мама ушла в продовольственный магазин, и маленькая музыкантша охотно объявила антракт.

Вскоре фантазия взмахнула своими эфирными крыльями. Бесшумно и легко, как планер, летел я навстречу грядущим годам. А внизу, на цветном просторе земли, мелькали цифры: 1964... 1965... 1966...

И тут я заметил аномалию: среди веселых, радующихся людей сидел мрачный человек. Мое журналистское сердце вздрогало: вот она, тема! Я сложил невидимые крылья и опустился возле намеченного хмурого объекта.

— Вы чем-то опечалены. Нельзя ли вам помочь? — начал я издалека свое интервью.

Человек отрицательно покачал головой и жалобно вздохнул.

А я продолжал свой тихий штурм, стараясь потуже завязать узел знакомства. Мои усилия были вознаграждены. Собеседник становился все более словоохотливым. И я услышал трагический рассказ. Да, да, я не оговорился, именно трагический.

— До ухода на пенсию был я плановиком, — рассказывал Иван Иванович Сметанкин, сморкаясь и всхлипывая. — На заводе служил. Между прочим, слыл незаменимым специалистом. Когда стопорилось

дело с планом и премии руководства были под угрозой, я выручал родимый завод. Дар такой имел. Мог совнархозовское начальство убеждать. А потом и личные отношения наладились с Петром Ивановичем Солодовниковым. На речной почве, как с заядлым рыбаком. А он-то и заведовал подотделом текущего планирования отдела сводных, текущих и перспективных планов. Чуть, бывало, запахнет паленым, директор завода сразу клич бросает: «Сметанкин где?» Тут он!..

А потом ушел я на пенсию. Пристрастился в лесных озерах рыбу ловить. Там и жил. Хорошо. А три дня назад потребовали меня из лесу. Сам директор за мной приезжал, просил: «Послужи последний раз. Горит план завода, который тебя взрастил. Требуется скорректировать его процентов на десять».

Собрался я, захватил кое-что для Петра Ивановича и поехал. Захожу в седьмой подъезд, снимаю пальто и тем временем спрашиваю знакомого гардеробщика:

«У себя Солодовников?»

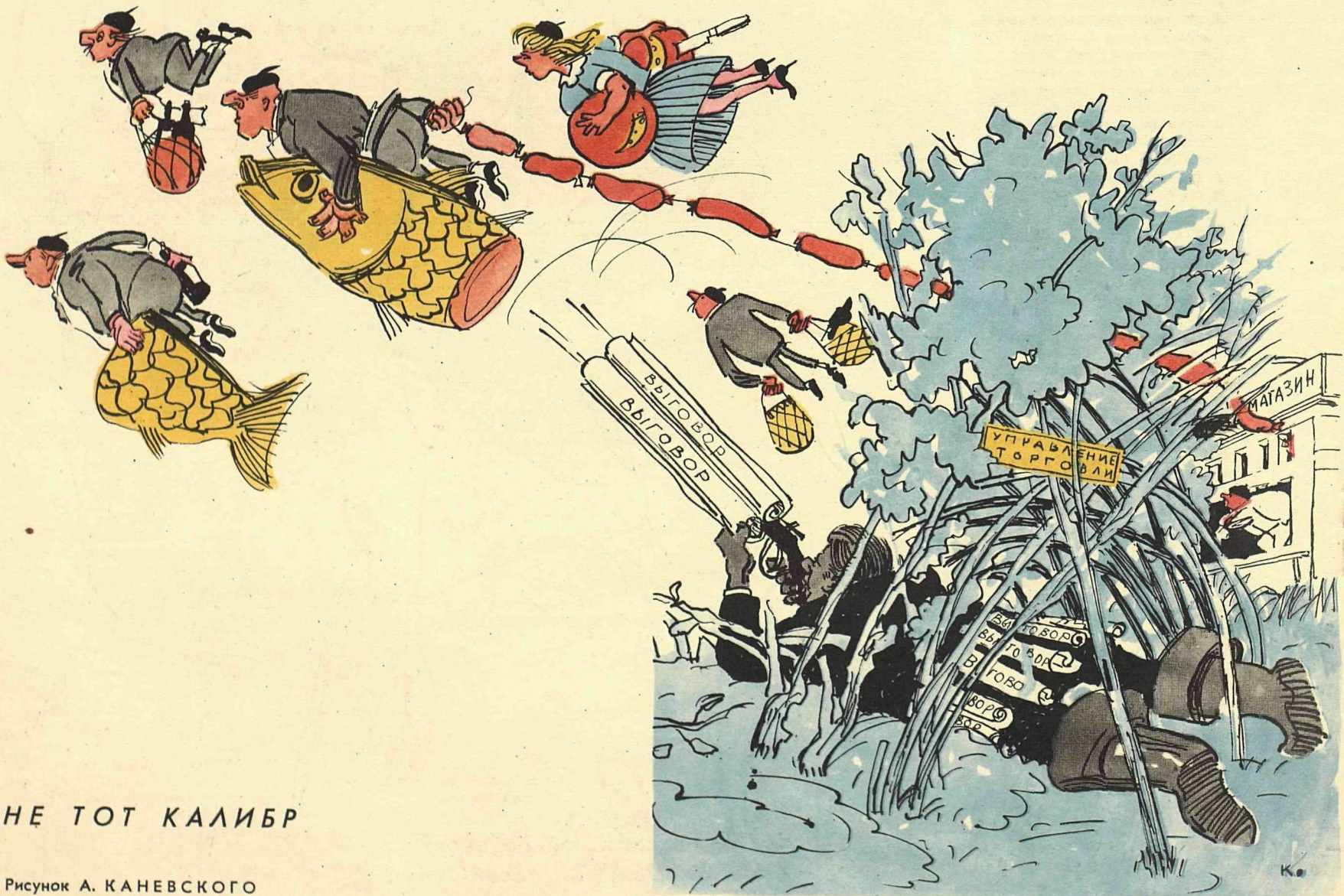
«Он у нас теперь не работает, — отвечает гардеробщик. — На пенсионное положение перешел товарищ Солодовников».

«Вот тебе и раз! — думаю. — Не повезло. Плохая примета».

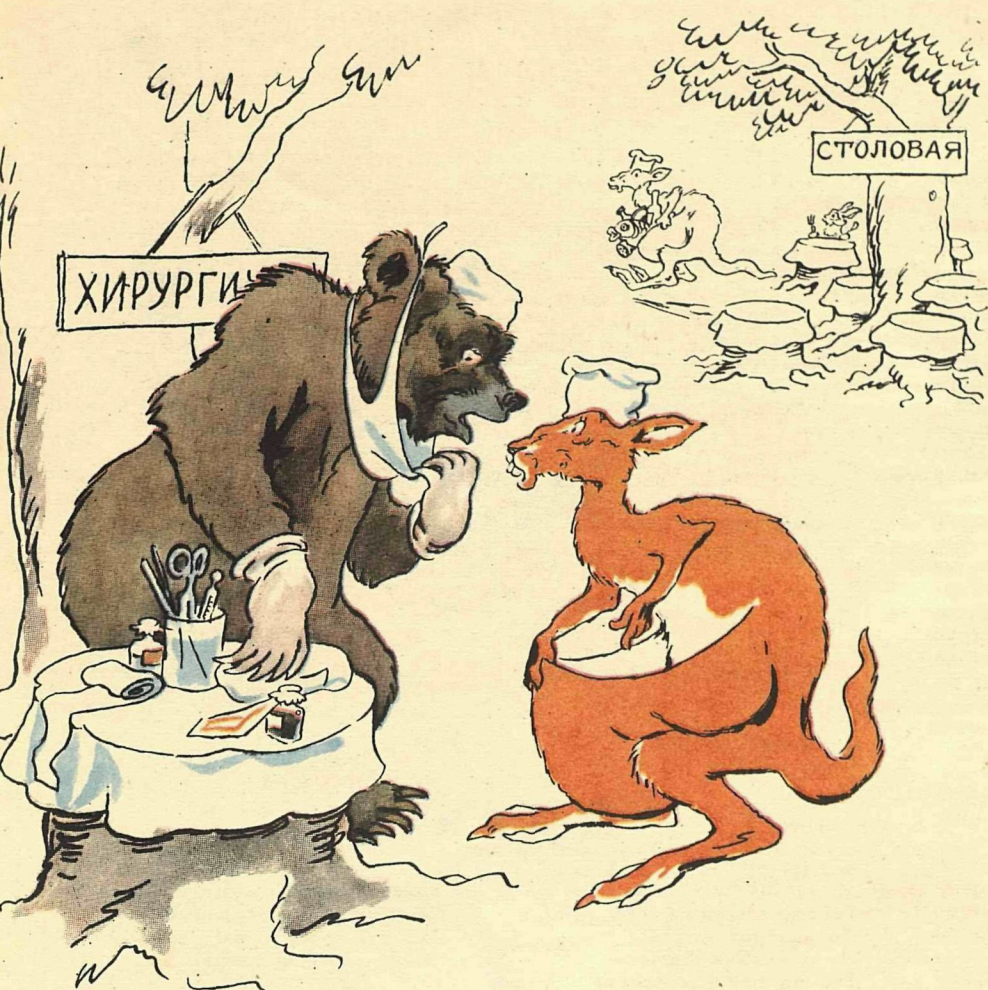
«А кто же вместо него?»

«Энтрис теперь там», — отвечает гардеробщик.

Поднимаюсь я в лифте, а сам вспоминаю:

НЕ ТОТ КАЛИБР

— Будьте добры, зашейте мне сумку, — ревизия едет!

Рисунок А. БАЖЕНОВА

— Приходите, генацвале,
нани-на-ни-на...

Посидим за цинандали...

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА
и М. СКОБЕЛЕВА

«Товарищ Энтрис? Энтрис? Нет, совершенно незнакомая фамилия».

Подхожу к бывшему кабинету Солодовникова, беру за ручку, а на дверях вспыхивает надпись: «Прошу не входить». Вот, думаю, какими новшествами обставил себя этот Энтрис. Солодовников бы по-простому сказал: «Куда лезешь! Я занят. Обожди!» А этот лампочки зажигает. Автоматизация бюрократизма!

Но тут загорелась другая надпись: «Прошу вас, входите, пожалуйста!» Вошел и поразился. В кабинете никого и ничего: ни человека, ни стола! Только у стены три кресла. А перед ними черный занавес, разделяющий комнату.

Как тут было не вспомнить Петра Ивановича! Он выйдет, бывало, из-за стола, поздоровается, усадит. Закурим мы с ним, о рыбалке поговорим. Среди такого разговора и подарок удобно вручить: икорку, балычок. Потрафило, мол, рыбачку, сам солил, сам коптил, не купленное. По-благородному выходило. Потом к делу перейдем. «Избаловал я ваш завод, — скажет Петр Иванович. — Да уж ладно. Десять процентов не могу. Да вы два процента у себя в незавершенке найдете. А восемь я вам с вала сброшу. Государство в убытке не будет. По другим заводам разверстаю. Накину тем, кто покрепче». Он эту фразу обязательно добавлял. Всегда заботился о государственных интересах.

Сижу я в кресле, вспоминаю хорошие дни и жду, когда войдет товарищ Энтрис. Чтоб к человеку ключи подобрать, надо на него спервоначалу поглядеть. Заочно это невозможное дело. А с моим даром мне только взглянуть — и сразу знаю, с какой стороны к начальнику подойти. И вдруг из-за занавеса раздается голос:

«Садитесь, пожалуйста!»

А я уже сижу. Значит, не видит он меня.

Ну и театр! Через занавеску уже разговаривают с посетителями. Не глядя на лица. В наше время такого бюрократизма не бывало. А голос продолжает:

«Излагайте ваш вопрос».

Неприятный такой голос, скрипучий, как из старенького уличного репродуктора. Начинаю я высказываться. И не очень уверенно объясняю, потому как не знаю, в каком направлении бить: на сознательность, на жалость к рабочему коллективу или еще на что. Но все-таки обосновываю разными сведениями, что план заводу дали завышенный. Тут товарищ Энтрис меня перебивает:

«Извините, но ваши сведения неточны».

И начинает он перечислять, когда и что завод получил, на выпуск какой продукции должно хватить материалов. Чешет Энтрис, как заведенный. Без передышки. Перемножает, делит, вычитает. Раскладывает на составные части мощность нашего станочного парка. Объясняет упущения в использовании машинного времени. Раскрывает причины увеличения трудовых затрат. Мне, как плановику, все ясно. А главное, страшно: этот бюрократ, оказывается, знает неиспользованные возможности завода лучше самого директора.

Тут товарищ Энтрис спрашивает своим скрипучим голосом:

«Понятно ли вам, что ваша просьба необоснованна?»

«Понятно», — отвечаю я.

«Можете быть свободны».

И такое было у меня желание приподнять занавеску и посмотреть, какой он из себя, этот товарищ Энтрис!.. А воздержался. Зачем на рожон лезть? Забрал я свои промасленные свертки с икрой и балыком и вышел, пришибленный. С одной стороны, не мог я не признать, что Энтрис кругом прав. С другой — неприятно мне было, что

такой умный человек — настолько махровый бюрократ, что даже руки не подал. А с третьей стороны, обидно, что подвел своих старых товарищей, не сумел их из беды выручить.

Спускаюсь я вниз, надеваю пальто, отдаю гардеробщику промасленные свертки и в сердцах говорю:

«Ну и бюрократ этот ваш товарищ Энтрис!»

А гардеробщик смеется:

«А что вы хотите от кибернетической машины? У ней же ни души, ни обожжения. Один электронный механизм».

Оказалось, это машина «Э-3с» со мной разговаривала. Замашинизировали планирование. Все высчитывают так, что не шелохнешься. Теперь уж премиальные за здорово живешь не получить. И никому стало не нужно то, что умели мы, плановики. У нас цифра играла. Цифра порхала. Знали мы, как округлить, подбить или прибросить данные, чтоб добиться ажюра. Один-единственный нолик, бывало, как волшебная палочка, действовал. Всю картину менял. Настроение создавал руководству. А теперь! Эх!..

Сметанкин, всхлипнув, замолчал и снова впал в черную меланхолию.

Вот какие трагедийные ситуации происходят в будущем. А некоторые еще говорят, что не будет драм. Это начисто опровергается свидетельскими показаниями плановика-пенсионера Сметанкина, которые я привез в редакцию, вернувшись из будущего.

А суточные, между прочим, бухгалтерия так мне и не уплатила. Бегал я, бегал по будущему, пытаюсь получить справку с круглой печатью, а все без толку. Никто там даже не понял, чего я от них хочу. Не дали мне справки! Это ли не бюрократизм?

ОДНОЙ НОГОЙ В ВОЗДУХЕ

Некогда Пушкин, восхищаясь балериной Истоминой, писал:

Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит...

Не знал поэт, что эти вдохновенные строки много лет спустя можно будет применить к такому прозаическому учреждению, как ЦНИИПП (Центральный научно-исследовательский институт птицеперерабатывающей промышленности). Именно он стоит на одной ноге, а другую «медленно кружит», не зная, куда ее поставить. Одна нога увязла в столичном асфальте, а другая занесена над участком подмосковной земли.

Скажите: слышали, старая история — столичное учреждение не желает уезжать из Москвы. Оно желает, видите ли, решать свои проблемы, имея с одного бока театр «Современник», а с другого — магазин «Березка». И никакими пряниками его не выманишь из столицы.

А ведь в свое время было решено перебазировать институт на территорию его подсобного хозяйства «Ржавки», что в Солнечногорском районе. Дал на это благословение и Мособлисполком и соответствующие министерства. Но ЦНИИПП и ныне там, то есть на Дмитровском шоссе города Москвы.

Но вы, друг-читатель, ошибаетесь. Это не тот типичный случай, когда институт, связанный с землей, посылают на землю, а он артачится. Это тот нетипичный случай, когда все происходит наоборот: институт стремится на землю, но земля его не принимает. Невероятно, но факт!

Узнав о предстоящем переселении, коллектив ничуть не роптал. Никто не говорил, что только он может ставить банки своей немощной бабушке и поить ее микстурой. Никто не стучил заявления, что ему противопоставлен любой другой воздух, кроме воздуха, скажем, Арбата или Сретенки. Дружно решили: на землю так на землю. Решение правильное. Так оно лучше будет для дела.

И стали готовиться к перебазированию. Обзавелись соответствующими документами, начали строиться. Вот уже выстроены одиннадцать жилых домов, скотный двор, всякие подсобные помещения и цеха. Почти готов корпус для лаборатории. Осталось покрыть его крышей — и можно праздновать новоселье в «Ржавках».

Но именно в этот момент нога института, занесенная над землей, беспомощно повисла в воздухе.

— Стой! Куда разлетелись? — любезно приветствовал руководителей института глава Солнечногорского райисполкома товарищ Финатов. — А где у вас акт на землю?

— Какой акт? — опешил директор института. — Вот решение правительства, санкция Мособлисполкома, согласие Химкинского райисполкома...

— Хе-хе... Так теперь земля

не химкинская, она к нам перешла, а у нас своя точка зрения. Будьте добры, выньте да положьте акт на землю, или позвольте вам выйти вон.

Пока руководство института, ошарашенное столь неожиданным поворотом дела, возилось с оформлением новых документов, Финатов воспользовался этой паузой и быстренько выдвинул свое контрпредложение — передать подсобное хозяйство «Ржавки» совхозу «Искра».

Получив отказ, председатель райисполкома не дрогнул. Он на сей раз предложил здание лаборатории, пусть даже недостроенное, передать под колхозно-совхозное управление, хотя прав на это здание у Финатова было столько же, сколько на Исаакиевский собор.

Потерпев фиаско, Финатов еще больше распалился:

— Не хочу я, чтобы тут у меня посторонний институт место занимал. Буду стоять насмерть, а не сдамся!

И выдвинул новый вариант недопущения института на землю: все подсобное хозяйство «Ржавки» отдать тому же совхозу «Искра», а недостроенное здание отнести под школу-интернат. «Пусть там детишки возрастают. Дети — наша смена, наше будущее».

И снова завязалась крепкая, прочная канитель.

Вдобавок архитектор Солнечногорского района тов. Исаенко добился... прекращения финансирования стройки. А без денег не очень-то построишь.

Совсем приуныли работники ЦНИИППа. Ведь осень на носу, строительный сезон кончается. В осеннюю непогоду непокрытое здание может размокнуть, а вместе с ним размокнет почти миллион рублей, вложенный в это строительство.

Но Финатов бодр, полон энергии и неистощим на выдумку. Ну, не отдадут здание под интернат — он еще что-нибудь изобретет. Например, напишет: «Прошу передать здание лаборатории райисполкому для открытия в нем балетной студии. Искусство — оно облагораживает, оно делает человека богаче духовно, развивает его способности...» А можно попросить здание под местный музей или фабрику химчистки, обосновав это заботой о человеке, об удовлетворении его бытовых нужд.

Весьма вероятно, что в Солнечногорском районе очень нужны и интернат, и балетная школа, и фабрика химчистки. Но почему все эти полезные учреждения нужно создавать в ущерб другому, очень важному и нужному делу?

Хотелось бы знать: когда наконец смилостивится товарищ Финатов и перестанет ставить рогатки на пути ЦНИИППа? Когда он даст возможность институту твердо стать обеими ногами на землю?

Е. ЦУГУЛИЕВА

— Подпишите акт...

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Н. ЧЕРЕПАНОВА

Ватага

Из-за темного леса
Гулкий слышится шаг.
То выходит ватага
На проезжий большак.
Все здоровые, рослые,
Молодцы на подбор,
За плечами у каждого
Наготове топор.
Впереди выступает
Предводитель лихой,
Предводитель лихой,
Он с седой бородой.
Вы зачем ночью темною
Дома спать не легли,
На большую дорогу
С топорами пришли?

Ходят плотники-работники
По колхозным деревням.
За большим рублем охотники,
Нынче здесь, а завтра там.

Для себя они старатели!
Под девизом «Не зевай!»
Разевают рот старательно
На колхозный каравай.

У ватаги дело спорится,
Только денежки готовы.
Вы зачем ночью темною
А не то — прощай, любовь!

Тут начала добровольные
(Не желаете, ну что ж...),
Тут известный и дозволенный
Не ночной —
Дневной грабеж.

г. Чебоксары.

На последнем месте (налегке) — заготовитель.

Рисунок М. БИТНОГО

ИЗЛИШЕСТВО ИЛИ НЕДОСТАТОК?

Алесь МАХНАЧ

Михайло ХИЖКО

Несколько лет назад для нефтяников Омска было решено построить Дворец культуры. Большой дворец! С двумя зрительными залами. С восемью колоннами.

Но скоро сказка сказывается, медленно дело делается. Пока строили, пока строительство замораживали да размораживали, пока исписали по этому поводу вороха бумаги, время шло. Но время — это полбеда. Главное, мода стала другая.

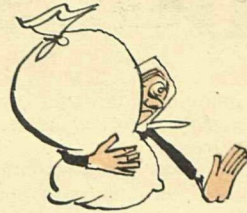
Вспомнили недавно строители про дворец и закручинились:

— Дернула нелегкая строить его с колоннами! Тогда бы эти колонны еще ничего, а нынче они как будто и не к месту. Нынче, брат, с колоннами строго...

И решили колонны сломать. И сломали. Чтобы, так сказать, от греха подальше...

А нефтяники ходят, поглядывают на дворец, строительство которого неожиданно пошло вспять, и никак не решат, что хуже: излишество в архитектуре или недостаток здравого смысла?

РАБОЧИЕ ОМСКОГО НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕГО ЗАВОДА: АРТАМОНОВ, ЗАЙЦЕВ — ВСЕГО ВОСЕМЬ ПОДПИСЕЙ.

МАЛО И МНОГО

Степан, колхозный кладовщик, Добром общественным гнушаться не привык: Нес в дом, что только в лапы попадало.

А женка все пилила мужа:

— Мало!..

Но как бы вор ни заметал свой след, Ему у нас одна дорога.

Степан попался. Дали десять лет.

Жена впервые вымолвила:

— Много!..

БЕДА

Он жалуется на свою беду:
«Никак концы с концами не сведут!..»
А что? Оно и впрямь, пожалуй, так:
Не сходятся ни пояс, ни пиджак!

Петро РЕБРО

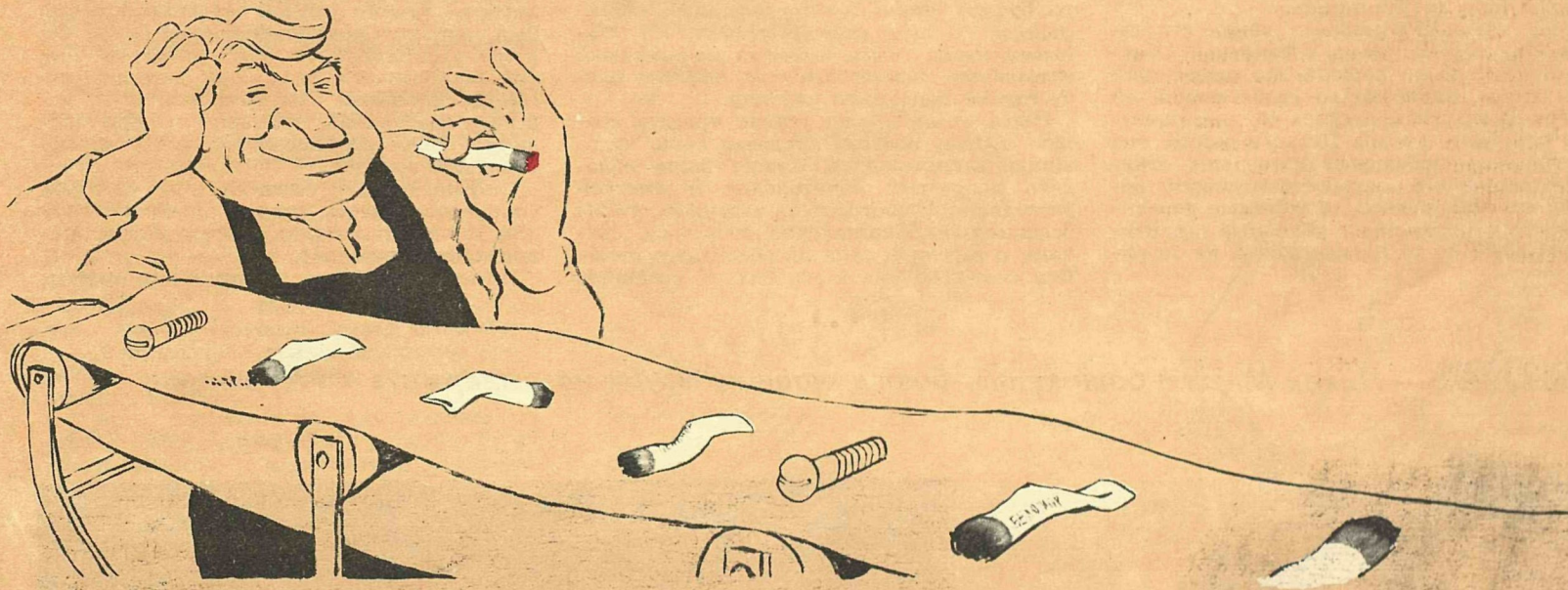
ЗАМОК С ХАРАКТЕРОМ

«И знаясь не желаю я с Ключом!
Не отомкнусь! Не дамся ничем!
Пусть чувствуют характер мой и стиль!..»
Почувствовали. Сдан Замок в утиль.

ЧЕРЕПАХА НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

— Что сделало ее столь знаменитой?
— Соревнование с Улитой.

Перевел с белорусского и украинского
В. КОРЧАГИН

ЕГО ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ

Рисунок Е. ГУРОВА

Итак, она звалась Оксаной. Но пока неофициально. Требовалось зафиксировать волю родителей в актах гражданского состояния, получить в записе свидетельство о рождении Оксаны Мироненко.

Потолкавшись часа два в прихожей Кировского загса среди улыбчивых молодоженов и скорбных родственников новопреставленных, папаша Мироненко наконец оказался у стола сотрудницы загса Татьяны Степановны Ковалевой.

— Что у вас? — не отрываясь от бумаг, сумрачно спросила сотрудница.

— Дочь зарегистрировать, — радостно ответил счастливый папа.

— Имя? — бросила Татьяна Степановна.

— Оксана, — выдохнул Мироненко.

Сотрудница с минуту молчала, потом подняла на папашу удивленные глаза и сказала:

— Вы что, гражданин, смеетесь надо мной?

НЕСУЩЕСТВУЮЩЕЕ ИМЯ

— Почему? — опешил молодой отец. — Я сказал: «Оксана»...

— Прекратите шутки! — грозно изрекла Татьяна Степановна. — Такого имени нет. И если вы действительно пришли сюда не издеваться, а выбрать имя для дочери, слушайте...

Сотрудница извлекла на свет пожелтевшую книгу и с выражением прочла:

— Веринея... Евлампия... Сокра-

ценно — Лапа... Мелитриса... Пульхерия... Ласкательно — Пулька...

— Но я не хочу ни Лапы, ни Пульки! — взмолился папа. — Я хочу Оксану...

— Гражданин, не упрямитесь, — жестко сказала Татьяна Степановна. — Ваш номер не пройдет. Мало ли чего вы придумаете! Вот ведь черным по белому написано: Февронья... Фелицата... Мож-

но еще Цицилией. Чем не имя? Цица Мироненко. Решайтесь, папаша. Или вот еще — Рогнедия. Если уж это не имя, так вы заелись, папаша.

Мироненко махнул рукой и малодушно бежал из загса.

Итак, она больше не звалась Оксаной. Но папа решил не сдаваться. Непреклонный в своей решимости, он пошел в наступление.

Повторные прения с тов. Ковалевой не дали желаемых результатов. Татьяна Степановна твердо стояла на своем: либо Пулька, либо Цица. В крайнем случае — Улита.

Мироненко побывал в райкоме партии и райисполкоме. Там авторитетно подтвердили, что имя Оксана все-таки существует. Скрепя сердце Т. С. Ковалева сдалась. Все хорошо, что хорошо кончается!

В. ПОБОЙНАЯ

(Из газеты «Тихоокеанская звезда».)

г. Хабаровск.

Столик на паучьих

В семье Мартынчуков процветало многоэтажное рабство. Раиса Павловна была рабой моды. Владимир Ермолаевич был рабом Раисы Павловны. Оба они находились под железной пятой своей единственной дочери Танечки.

Однажды к Танечке пришел некто Бобруйский, вертлявый, претенциозно одетый архитектор, о котором было известно, что он гений, затертый бездарностями. Бобруйский, нажавшись до отвала, оглядел столовую и со свойственным ему нахальством и невоспитанностью сказал:

— А столик из-под телевизора вам бы следовало выкинуть к чертям собачьим!

— Простите, не понял,— сказал вежливый Владимир Ермолаевич.

— Я говорю, что от него следовало бы избавиться,— несколько смягчил формулировку Бобруйский.— Он вносит в столовую эстетическую диспропорцию.

— Весьма возможно,— мятко согласился старый химик.

— Да и буфет у вас поддулял,— развязно продолжал Бобруйский.— Он похож на готический собор. Глядя на него, хочется бить поклоны, причащаться и покупать по сходной цене индульгенции.

Раису Павловну наповал убила эта сатира. Она переглянулась с Танечкой. Судьба столовой была решена. На следующий день Раиса Павловна со свойственной ей жестокой энергией взялась за модернизацию семейного гнезда. Целыми днями она пропадала в мебельных магазинах, откуда подвыпившие здоровяки-грузчики волокли шкафы модерн, обтекаемые серванты и сверхсовременные спальные гарнитуры, крытые не то плексигласом, не то пенопластом.

Раиса Павловна долго не могла остановить свой выбор. Она обратилась за советом к Бобруйскому.

— Будущее за комбинированной мебелью,— сказал он.— Ведите поиск в этом направлении.

И Раиса Павловна начала искать комбинированный сервант и комбинированный шкаф, который, по слухам, легко превращался в кресло-качалку. При желании кресло-качалка легко оборачивалось креслом-кроватью. Отсюда было рукой подать до дивана-раскладушки. Диван-раскладушка нажатием рычага становился секретером. Конструктор этого мебельного чуда в одном из своих интервью утверждал, что если секретер обтянуть пластмассовой пленкой и оснастить мотором, он может легко превратиться в двухместную моторную лодку.

Раиса Павловна мечтала приобрести этот шедевр. И еще она искала для Владимира Ермолаевича письменный стол на тонких паучьих ножках, последнее слово модерна.

Не прошло и полугодя, как Раиса Павловна добилась своего. На месте готического буфета стоял легкомысленный, остекленный со всех сторон сервант. Из угла выглядывала тахта, похожая на гоночный автомобиль. Конусообразные, острыми книзу стулья дополняли картину.

Раиса Павловна не успела продать старую мебель, поэтому столовая была чудовищно загромождена. Нужно было обладать ловкостью канатоходца и сметкой разведчика, вышедшего за «языком», чтобы бесшумно и благополучно добраться, скажем, с тарелкой супа до обеденного стола. Вся семья ходила в ушибах и ссадинах.

Раиса Павловна была охвачена новым психозом. Она боялась, как бы не поцарапали, не попортили драгоценную полировку. Для стола, гоночной тахты и даже серванта были сшиты предохранительные покрывки.

— Новая мебель, вероятно, должна ласкать наш глаз красотой современных форм,— как-то робко заметил Владимир Ермолаевич,— мы же видим одни безобразные покрывки. Согласись, дорогая, что в этом есть какой-то логический нонсенс.

Раиса Павловна не удостоила мужа ответом. Чехлы снимались лишь с приходом гостей. И тут снова начинались переживания хозяйки модерна. С молчаливым отчаянием она следила за каждым движением гостя. Чувство страха не покидало ее, когда он подходил к серванту, садился на плетеный конус, курил за столом. Горячий пепел мог испортить зеркальную поверхность, нарукавная пуговица пиджака — оставить неизгладимый след на сверкающей полировке.

Вслед за столовой началась мебельная реконструкция комнаты Владимира Ермолаевича. Вместо уютной старенькой тахты был поставлен комбинированный диван. Он легко превращался в диван-этажерку. Диван был оснащен коварным механизмом. Иногда механизм самопроизвольно и некстати срабатывал, и Владимира Ермолаевича в ночи сбрасывало с ложа, словно взрывной волной.

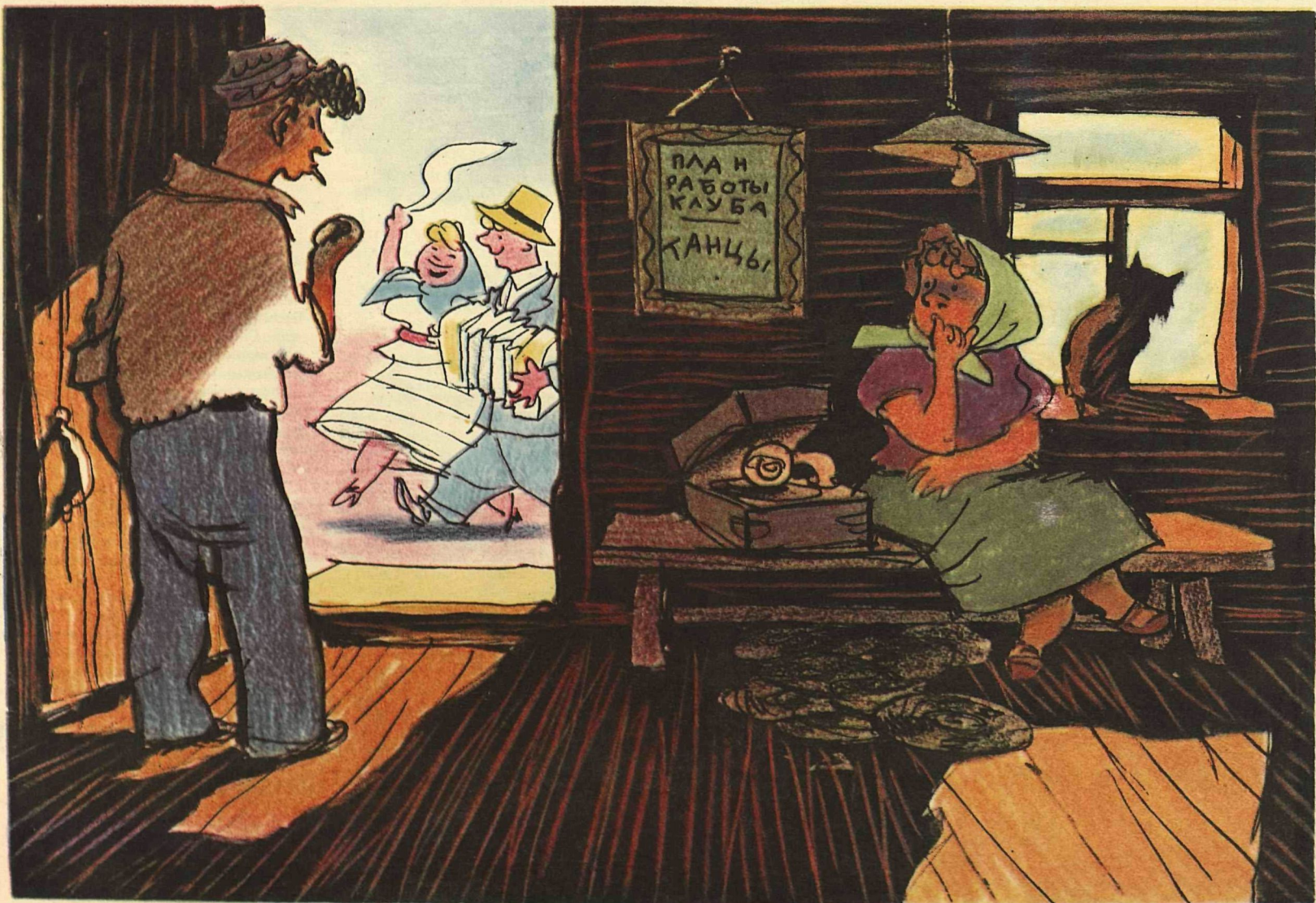
Старый ученый, лежа на полу, потирал ушибленные места, приговаривая:

— Ничего, ничего, это просто диван превратился в этажерку.

Письменный стол, широкий и вмести-

Завклубом: — Никак Митька баян купил. Боюсь, нашему клубу не выдержать конкуренции.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

НОЖКАХ

тельный, был заменен утлым столиком на паучьих ножках. Под стать ему были и ублюдочные стулья. Владимир Ермолаевич не был внутренне подготовлен к такому модерну. В связи с этим его поведение строго контролировалось. В разгар работы Раиса Павловна входила на цыпочках в комнату и спрашивала:

— Надеюсь, ты не давишь пером на бумагу? Перо может оставить бороздку на полировке.

— Могу и вовсе не писать. Тогда со столом наверняка ничего не приключится,— слабо сопротивлялся Владимир Ермолаевич.

В ночь накануне несчастья коварный механизм дивана вел себя в высшей степени благопристойно, и Владимир Ермолаевич проснулся на редкость свежий, полный молодых сил и мыслей. Наскоро позавтракав, он сел за паучий столик, радуясь своему рабочему настроению. В комнате появилась Раиса Павловна со своим традиционным вопросом:

— Надеюсь, ты не давишь пером на бумагу?

Владимир Ермолаевич повернулся, и тут произошло нечто непоправимое: он опрокинул чернильницу. Черное пятно поколебалось немного в центре стола и затем, разбившись на веселые ручейки, растеклось по зеркальной глади.

Раиса Павловна схватилась за сердце. Ноги не держали ее. Она прислонилась к дверному косяку.

— Варвар! Махновец! — прошептала она. — Что ты стоишь?! Сделай что-нибудь! — Бесплезно! — сказал Владимир Ермолаевич, удивляясь своему спокойствию. — Столику капут!

С этими словами он схватил его за паучью ножку и выволок в коридор. Та же участь постигла и ненавистный диван-этажерку. Не давая Раисе Павловне опомниться, он внес в комнату старую тахту и дорогой его сердцу стол с прожженным сукном и множеством пыльных ящиков. Хулигански улыбаясь, он лег на тахту, не снимая ботинок.

Раиса Павловна, с ужасом и недоумением наблюдавшая за Владимиром Ермолаевичем, наконец нашла в себе силы спросить:

— Что это все значит? Зачем ты притащил эту рухлядь? Я вышвырну ее на помойку!

— Не смей! — закричал Владимир Ермолаевич. — Не смей прикасаться к этим вещам!

— Ты спятил! Мы истратили на новую мебель столько денег!

— Плевать на деньги! — завизжал Владимир Ермолаевич. — Плевать на ваши вкусы! Я не хочу приносить свой интеллект в жертву лаку!

— Тише, ради бога, тише! — взмолилась Раиса Павловна, которая свято блюла семейный декорум. — У Танечки сидит Бобруйский!

— Ах, ах, Бобруйский! А что за цаца Бобруйский?! Критиканствующий позер. Бездарный архитектор. Он и дровяного сарая не спроектирует! Ничтожество!

Раиса Павловна покинула поле битвы.

Владимир Ермолаевич молодецки расправил плечи. Железные цепи, оковы, наручники, а также кандалы семейного рабства с мелодичным звоном соскользнули на паркет. Столик с паучьими ножками неожиданно принес ему освобождение. Владимир Ермолаевич вышел в коридор, нежно погладил его изуродованную поверхность и запечатлел на ней неожиданный поцелуй.

— Культурный народ, каждый спешит уступить место!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Эмиль КРОТКИЙ

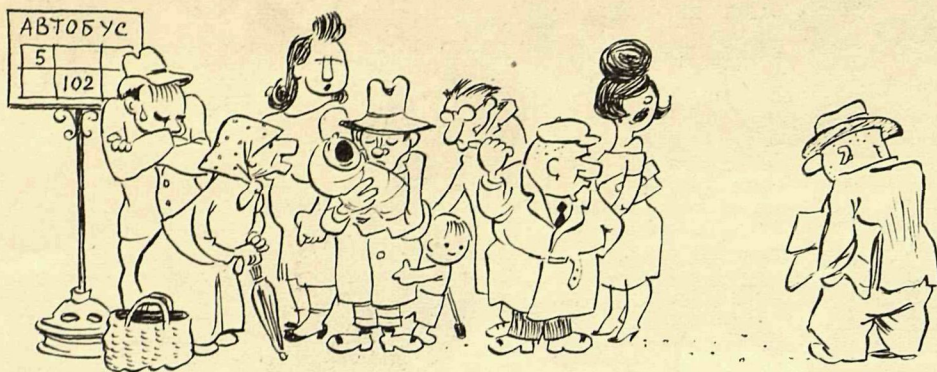
МОЛОДОСТЬ

В усах поблескивает проседь,
Виски становятся белей.
Годов не вычеркнуть, не сбросить —
Поэт справляет юбилей.
Его портрет дает газета.
Ему... но надобности нет
Гадать о возрасте поэта —
Ему всегда семнадцать лет.

В театре мира первый зритель,
Всему дивящийся Адам,
Он юн, как мир, его обитель,
И любопытен по годам.
Цветет ли ландыш, роза ль вянет,
В ветвях струится ль звездный свет,
Поэт дивиться не устанет,
Как тот, кому семнадцать лет.

Любовь, Поэзии примета,
На свет родилась вместе с ним.
Где нет любви, там нет поэта,
А тот, кто любит, тот любим.
Он мудр, как старцы вековые.
Он зряч: он видит сквозь предмет.
Он слеп, как любящий впервые,
Его любви семнадцать лет.

Так было, есть... так вечно будет.
Пусть из поэтов сед иной —
Зима вулкана не остудит
Снегopodobной сединой.
Нет, тот не стар, кто молод в песнях!
Там жарок жар, где ярок свет.
Поэт — Поэзии ровесник,
А ей всегда семнадцать лет.

— Безобразие! Час стоим, и ни одной машины!

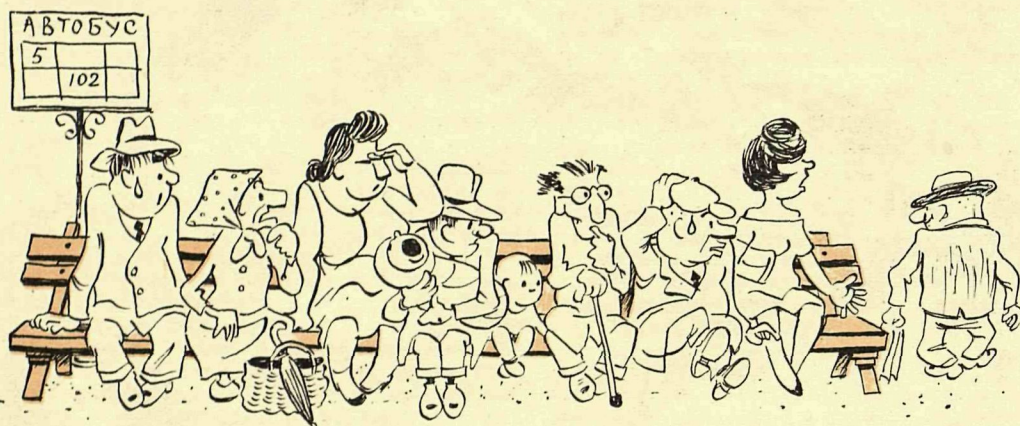

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Сервис.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Отклики и реплики

БУДЕМ НАДЕЯТЬСЯ...

Если у вас, дорогой читатель, были какие-нибудь неприятности с домашним холодильником, то вполне возможно, что виноваты в этом были работники Орловского завода приборов. Этот завод выпускал большие порции скверных термостатов. Корреспондент Крокодила, побывав на заводе, ознакомился с секретом производства брака и предал свои наблюдения гласности (см. фельетон «Секрет производства» № 16 «Крокодила» за этот год).

Из Орловского совнархоза нам сообщают, что фельетон полностью подтвердился. Директор завода Гунали В. С. освобожден от работы. Для устранения недостатков, отмеченных в фельетоне, совнархоз наметил принять необходимые меры.

Какие это будут меры, мы с вами сможем убедиться по поведению наших холодильников. Во всяком случае, будем надеяться...

К ВОПРОСУ О САТАНЕ

«Сатана приходит в полночь». Так назывался фельетон нашего корреспондента, посетившего село Голишицево, Хмельницкой области («Крокодил» № 17). Выяснилось, что сатаны в селе нет и не

предвидится, но зато имеются явные огрехи по линии антирелигиозной пропаганды.

Фельетон обсуждался на бюро Летичевского райкома партии, а также в первичных парторганизациях района. Из Хмельницкого обкома КПУ нам сообщают, что секретарю партийной организации колхоза «Прогресс» тов. П. Поплавскому объявлено партийное взыскание. Разработаны мероприятия по улучшению научно-атеистической пропаганды среди населения.

В общем, надо полагать, сатана больше не придет...

ТАК-ТО БУДЕТ ЛУЧШЕ...

В альманахе «Ставрополье» увидел свет лирический репортаж Георгия Шевцова «Люди и розы». Стихи отнюдь не блистали ни формой, ни содержанием. Скоропелые строки ничего не давали ни уму, ни сердцу. Однако стихи эти почему-то восхитили ответственного секретаря альманаха. Может быть, потому, что это был... сам Георгий Шевцов.

Ставропольское краевое отделение СП РСФСР признало фельетон, посвященный этому поэтическому дерзанию Г. Шевцова, совершенно правильным («Крокодил» № 14). Намечен

тематический план работы на ближайшее время, к сотрудничеству в альманахе привлекается широкий актив литераторов, специалистов сельского хозяйства, работников искусства. Утвержден новый состав редколлегии.

КТО УКРАЛ ЖЕЛЕЗО?

В № 24 за 1961 год под рубрикой «Пронсшествия» Крокодил опубликовал заметку о том, что жулики-махинаторы продали Тулунской церкви краденое листовое железо.

Из прокуратуры Иркутской области нам сообщили: следствие окончилось, состоялся суд.

Краденым железом, красками и гвоздями на сумму более 25 тысяч рублей (в старом масштабе цен) Тулунскую церковь снабдил К. К. Сонин.

Для того, чтобы произвести эту прибыльную операцию, Сонин подделал документы и печать машинно-дорожного отряда № 149 треста «Ангарлесжелдорстрой».

Сонин осужден к 10 годам лишения свободы, вместе с ним осуждены настоятель Тулунской церкви Танчук и староста Ошуев. Как показало следствие, главный инженер МДО-149 М. Я. Загребельный отношения к этому делу не имел, а его подпись на документах была подделана Сониним.

ПОРА ОТКРЫТЬ КРАНИК

Долгие годы колхоз «Красный Оскол», Изюмского района, Харьковской области, ждал, когда же трест «Донбассводстрой» выполнит свое обещание — построит насосную станцию с водозабором, напорный бассейн и другие сооружения.

О долготерпении колхоза Крокодил сообщил в фельетоне «Заветный краник» (№ 15).

Как известило нас Харьковское облуправление производства и заготовок сельхозпродуктов, за плохую работу на прораба тов. Близиюка наложено взыскание. Начальник СМУ треста «Донбассводстрой» тов. Тарасов будет освобожден от занимаемой должности, а на начальника областного управления водного хозяйства тов. Соловьева наложено взыскание.

Но самое приятное во всем этом — сообщение о делах строительных. Уже в этом месяце, после долгих лет проволочек, орошаемый участок в колхозе «Красный Оскол» будет сдан в эксплуатацию.

Не очень приятно только то, что это можно было сделать гораздо раньше...

НЕДОРАБОТАНО- ПЕРЕРАБОТАНО

«В связи с тем, что товарищ Гущина за период работы с 16 ноября 1961 года по 14 мая 1962 года не доработала ежедневно по часу. Всего после 14 мая переработала 2 часа, не доработала 22 часа. Тов. Гущина замещала сутки неработавшую уборщицу 8 часов, за 8 часов ей оплатить. И в связи с тем, что по приказу она принята на должность тех. служащей.

Председат. комиссии трудовых споров — Петухов.
Секретарь комиссии — Омельченко».

(Из постановления конфликтной комиссии при школе № 36 города Тихорецка)

Прислал И. МИЛОВИДОВ.

г. Тихорецк,
Краснодарского края.

ПРИМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

«В нетрезвом состоянии Евстегнеев ездит только в день получения зарплаты, то есть 2 и 17 числа месяца. Вывески Евстегнеев никогда не срывал, да и срывать в таком возрасте никогда не позволит».

(Из рапорта оперуполномоченного)

Копию доставил М. КОНИК.

Псковская область.

НА ДОСУГЕ

«После работы мы с Речкиным выпили около магазина. Потом мы что-то поспорили, повозились, а потом оказалась у меня пробита голова. Далее мы уже стали драться в радиоузле».

(Из объяснительной записки).

Александр НИКОЛАЕВ

Юность не порок

«В искрах электрического света, — как сказал лирический поэт, — умирает юная Джульетта...»
А Джульетте сорок восемь лет.

Как она ждала подобной смерти, все познав — и горечь слез и боль, сколько раз за тридцать лет в концерте исполняла с юным блеском роль!

Как она юна была вначале, как была красива, но тогда ей в театре сухо отвечали: — Ты для этой роли молода!

Как она молила режиссера! Тот ей обещал который год: — Подожди, Джульетта наша скоро, видимо, на пенсию уйдет.

Стала к ней фортуна благосклонна, есть на роль законные права:

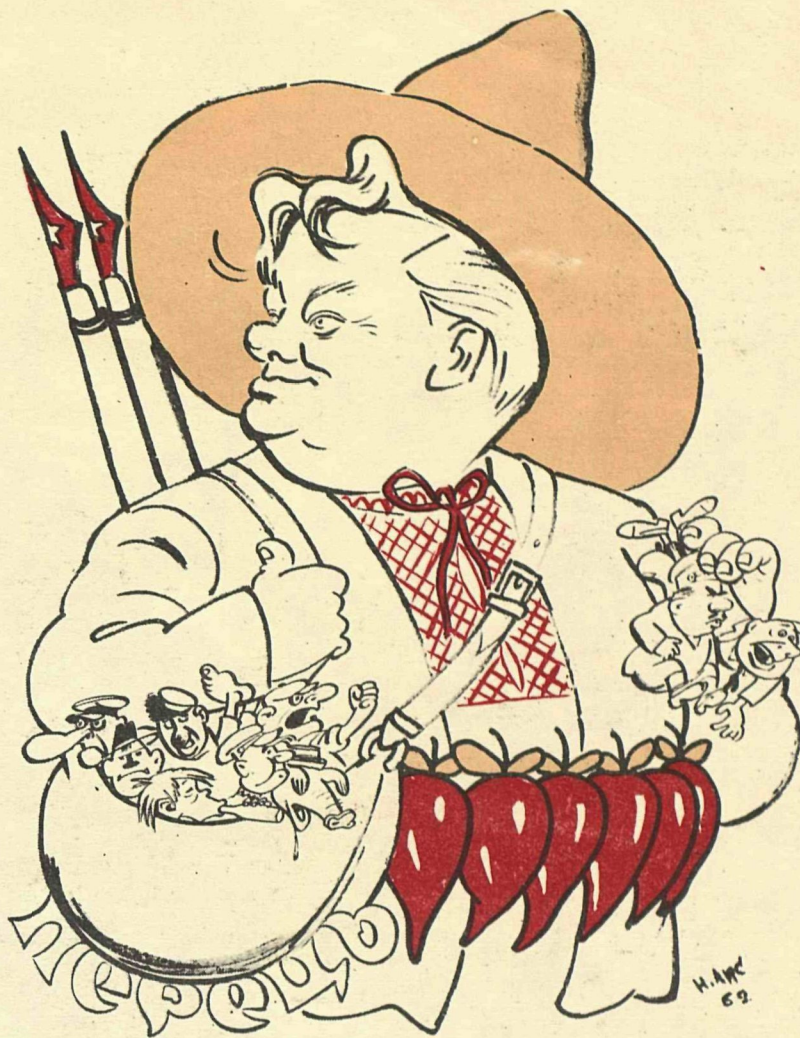
у соперниц возраст пенсионный, и сама в зените мастерства.

Только где ты, юность? Как хотите, можете вы зрителя винить, но любой простой советский зритель мог теперь и сам ее убить.

А Ромео? Сдался он без боя! Бросил на подругу беглый взгляд и, узрев старуху пред собою, залпом выпил смертоносный яд.

В мертвой тишине из-за кулисы (крик души, а вовсе не игра!) слышен голос девушки-актрисы: — Уходить на пенсию пора!

Эту сценку я писал с натуры. Всякий овощ знает ли свой срок? Знают ли работники культуры истину, что юность не порок?

Шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО

ЧТО НОВОГО В САТИРИЧЕСКОМ ЦЕХЕ

«ЛЮБОВНУЮ ЗАПИСКУ» с юмористическими рассказами прислал в Библиотеку Крокодила А. Алексин.

«ГЕНИЯ С ПРИЦЕПОМ» привел туда же за ручку новеллист Л. Митницкий.

«КОНТРАМАРКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫ» — написал Я. Дымской на обложке своей новой книги рассказов и фельетонов. И она тоже вошла в крокодильскую Библиотеку.

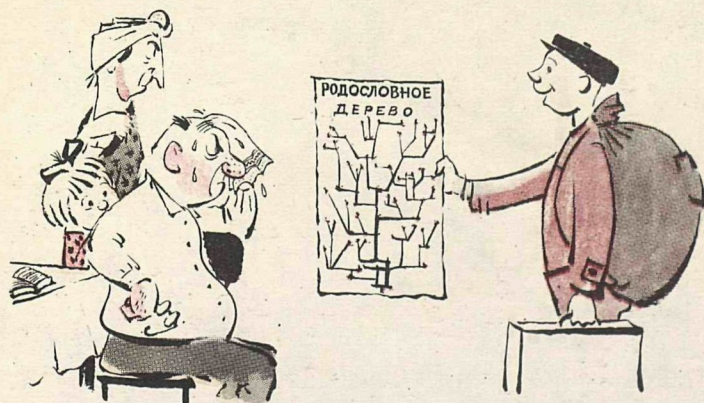
«СОЛДАТА БЕЗ МУНДИРА» представил читателей О. Челидзе в Библиотеке грузинского сатирического журнала «Нианги».

«НЕЙЛОНОВАЯ ШУБКА», которая демонстрировалась читателям Крокодила по частям, теперь целиком красуется в витрине «Советского писателя». Модельер все тот же — С. Шатров.

«ДВЕ УЛЫБКИ» — сатирическая и юмористическая — освещает новый сборник стихов В. Котова. Книга выпущена издательством «Советская Россия».

«РАСТЛИТЕЛЕЙ ДУШ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ» — церковников и сектантов вывела за уши да на солнышко Н. Черепанова. Книга фельетонов и сатирических очерков выпущена Чувашгосиздатом.

«МОЛОДУЮ ВСЕЛЕННУЮ» в юмористическом освещении увидел работник Свердловской киностудии О. Хомяков. Редактор многотиражной газеты на Тульской Магнитке М. Жарковский познакомил читателей с новыми баснями. А ульяновский экономист Н. Еремин задал землякам своей книжкой «КАВЕРЗНЫЙ ВОПРОС».

— Здравствуйте! Я племянник отчима жены тети мужа золовки со стороны тещи дяди Пети...

Рисунок В. ВОЕВОДИНА

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28, Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда»

А 03967. Изд. № 1595.

Подписано к печати 30/VIII 1962 г. Формат бум. 70×108¹/₈.

Тираж 1 650 000 экз.

Заказ 2446. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

На международном спортивном рынке.